

Система самоуправления в городах вендской Ганзы: становление и упрочение

Важнейшая особенность исторического развития средневековой Германии заключалась в том, что в тот период, когда в ряде западноевропейских стран создавались единые национальные государства, в ней сохранялась и углублялась территориальная раздробленность. Консолидация хозяйственных и политических сил осуществлялась в пределах отдельных княжеств. Во главе их стояли династии, обладавшие в границах своих владений юридическими правами территориального верховенства. В 1231-1232 гг. в «Установлении на пользу князьям» Генрих VII законодательно закрепил права высшей юрисдикции светских и духовных князей, а также предоставил им монетную, таможенную, конвойную, рыночную и замковую регалии (1, s. 418). Тем самым были заложены правовые основы особого типа государства – так называемого «немецкого территориального государства», сложившегося, скорее всего, уже к середине XIII в. (2).

В последующее столетие территориальная власть упрочивалась прежде всего за счет разрастания домениального землевладения князей – материальной основы их власти. Территории приумножались либо путем прямых военных захватов, либо в результате присоединения выморочны ленов, покупки новых земель и заключения династических браков. В пору становления и упрочения немецких территориальных государств (примерно с середины XII до середины XV в.) управленческий аппарат в них был достаточно прост. Центр управления находился в придворной княжеской канцелярии. Ее служащие набирались преимущественно из клириков, призванных письменно фиксировать и распространять решения князя. Исключительную роль в управлении играл сам князь, окруженный специально привлеченными советниками, которые происходили в основном из крупного дворянства и лишь отчасти из министриалов. Как правило, они подбирались князем из числа придворных (гофмайстер, маршал, канцлер и др.) и составляли центральный орган территориальной власти – княжеский совет. Его члены участвовали в выработке и проведении князем важных политических, финансовых, административных, военных и т. п. мероприятий (3, s. 18-21). Время от времени князь приглашал для совета наиболее влиятельных представителей местного дворянства и клира, а в некоторых территориях, как, например, в Мекленбурге, а также и ратманов, входивших в органы городского самоуправления – магистраты (4, s. 18; 5, s. 173). Состав этих советников постоянно менялся и каждый раз ими могли быть другие лица, призванные князем для обсуждения в рамках земской политики хозяйственных, дипломатических, военных и иных вопросов. Установление специализации советников по каким-то конкретным сферам деятельности не существовало. Система местных органов территориальной власти сложилась в Германии в XIII в. в виде фогтств, или амтов – административно-хозяйственных единиц княжеского землевладения. Они возглавлялись чиновниками из дворян или министриалов, служивших у князя за жалование. Деятельность амтов сводилась к исполнению двух основных функций. С одной стороны, представляя интересы князя как крупного землевладельца, они занимались сбором натуральных и денежных податей с зависимого крестьянства и были наделены по отношению к нему правом низшей юрисдикции. С другой стороны, проводя политику князя как территориального государя, амты осуществляли сбор и учет налогов с непривилегированного населения, контроль за исполнением ленниками князя воинской повинности, располагали полицейской властью. В амтах сосредотачивались все денежные поступления в княжескую казну. Они передавались князю по его запросу в установленных им суммах для вполне определенных целей – для его поездок, на нужды княжеского двора, для возведения новых построек и т. п. (6, s. 286). За исключением вольного имперского города Любека, который приобрел этот статус в 1226 г. (7, I. N35), другие вендские города располагались в границах территориальных владений Мекленбургской, Померанской и Рюгенской княжеских династий. В итоге коммунальных движений все они в XIII в. получили хартии вольности и право городского устройства по любекскому образцу (7, I. N4, 7; 8, I.

N244, N686, N825, N872), согласно которому были выведены из-под управления земских фогтов и переданы в ведение городских фогтов (8, II. N1078, N1106). В обязанности последних входило осуществление высшей юрисдикции, забота о безопасности городских территорий, сбор податей, штрафов и пошлин в пользу князя, соблюдение регалий (7, I. N3). По сути городское фогство ничем не отличалось от земского, лишь сузились пределы его территории. Иное дело, что был создан орган городского самоуправления – магистрат. В него входили выборные бургомистры и выборный совет-рат, которые трижды в неделю собирались на свои заседания. Порядок формирования и принципы действия магистратов в городах, управлявшихся по любекскому праву, изложены в жалованной грамоте Генриха Льва Любеку. Хотя оригинал ее не сохранился, дословный текст грамоты содержится в привилегиях, дарованных городу Фридрихом Барбароссой. Согласно установлениям Генриха Льва, служба ратманов была пожизненной, замены в их составе производились путем кооптации. Не допускалось вхождение в один магистрат двух братьев, либо отца и сына. Его членом мог стать лишь полноправный и законорожденный от свободной матери бюргер безупречной репутации, который происходил не из духовного сословия и не из министриалов и владел в городе недвижимой собственностью, нажитой к тому же не в сфере ремесла. Следовательно, право быть избранным в магистрат составляло исключительную привилегию купцов. Но они не могли надолго оставлять свои торговые дела и, вероятно, поэтому Генрих Лев постановил, чтобы после двух лет службы каждый из «отцов города» на третий год отдыхал. Эти временно освободившиеся бургомистры и ратманы составляли 1/3 от общей численности членов магистрата и образовывали незаседающий, или, как его еще иначе называли, отдыхающий магистрат, члены которого в отдельных случаях приглашались заседающим магистратом для обсуждения особо важных вопросов. Вступая в должность, каждый из членов магистрата клялся всемерно заботиться о пользе города, быть беспристрастным при вынесении судебных решений, не притеснять горожан какими-либо вымогательствами (7, I. N4, N7). Магистрат был обязан следить за ведением городского хозяйства, развитием ремесла и торговли, определять внутри – и внешнеполитический курс, заботиться о соблюдении и расширении городских вольностей и привилегий, осуществлять низшую юрисдикцию и полицейские функции в пределах города, собирать в пользу князя поземельный налог (8, II. N1051, N1423, III, N1774, N1977). Таким образом, именно в руках магистрата, а не княжеского фогта сосредоточилась истинно городская власть. Первоначально заметную роль в общественной жизни городов играла община (7, I. N3, N31-32), но уже с конца XIII в. магистраты фактически полностью прибрали власть к своим рукам и единолично вели все городские дела, лишь формально прибегая в отдельных случаях к согласию общины (7, II. N715; 8, II. N1447, III. N1682, N1926). Собрания общины стали созываться не столько для обсуждения городских дел, сколько для простого ознакомления населения с новыми постановлениями магистрата (8, IX. N6474; 9). По мере потери влияния фогтом позиции городов усиливались. В их ведение одна за другой переходили регалии и само фогство (8, II. N959, N1021; III. N1836, N2622, V. N3228, VII. N4449; 10). Вначале число членов магистрата было, видимо, произвольным: в 1216 г. в ростокский магистрат входило 10 чел., а в 1252 г. – уже 23 чел. (8, I. N244, N686); в висмаркском в 1241 г. заседали 6, а в 1277 г. – 12 чел. (11), т. е. по мере развития города и его самоуправления увеличивался и состав магистрата. К середине XIV в. численность магистратов хотя и зависела от масштабов города (3, s. 25), но в каждом конкретном случае была уже точно определена. Например, в соответствии с постановлением 1338 г. ростокский магистрат формировался «по образцу и подобию» любекского, т. е. управление городом находилось в руках 4 бургомистров и 20 ратманов, причем треть из них, в том числе 2 бургомистра, входили в незаседающий магистрат (8, VIII. N5861). Такой же вид к исходу 30-х годов XIV в. имел висмаркский магистрат (8, VI. N4303, VII. N4922). Аналогичным предписанием с 1353 г. стали руководствоваться также городские советы Штраль-зунда, Грайфсвальда и ряда других городов (12).

Сосредоточение, всей полноты влети в руках магистратов повлекло за собой упорядочение их структуры и четкое разграничение функций между отдельными

муниципиями. Действующий магистрат возглавляли два бургомистра (7, I. N226, N439, N555; 8, II. N1712, N2488). Они располагали административной властью, распоряжались городской печатью, скрепляли своей подписью важнейшие документы, отстаивали городские интересы перед территориальными князьями. Рат исполнял в пределах города законодательные, судебные, административные, хозяйственные и другие функции. Между ратманами распределялись должности камерариев, ведавших городской казной (7, II. N1084); судей, рассматривавших дела в пределах городского права (7, I. N757, N758; 8, VII. N4488), хранителей всевозможных городских документов, главным образом текстов торговых и политических привилегий, собранных обычно в особом помещении свода главной церкви города (7, II. N404); хранителей городских книг (7, I. N320); виночерпиев, которые контролировали винную торговлю и распределение вина из главного городского погреба, расположенного обычно под зданием ратуши (7, II. N1056; 8, 111. N2074, IV. N2645, VIII. N5863, IX. N6304); сборщиков всевозможных штрафов (7, II. N1000, N1079; 8, VIII. N5775); лиц, ответственных за оборону города (8, IX. N6476), за соблюдение цехового законодательства (7, II. N1000; 8, VI. N3672), за чеканку монеты, работу мельниц и т. п. по мере перехода к городу регалий (7, II. N1079; 8, IX. N6529).

По заключенному с магистратом контракту на службе у города состоял постоянный штат должностных лиц, которые ведали определенными участками городской жизни. Прежде всего это синдик – профессиональный юрист, уполномоченный вести процессы по каноническим делам, участвовать в переговорах с территориальными князьями, другими городами и государствами, редактировать важнейшие политические договоры, составлять официальную городскую хронику. В вендских городах служба синдика ценилась настолько высоко, что даже в случае потери трудоспособности ему гарантировалось пожизненное содержание (7, II. N105-106, N302, N1022). Магистрату подчинялись также городские писцы-нотариусы (7, II. N1078; 8, III. N1813, N1877), конные и пешие вестники (7, II. N1080, N1081), сторожа на маяках и у шлюзов (7, II. N1080), члены конвоя, обеспечивающие безопасность продвижения сухопутных торговых караванов (7, II. N483, N1078), учителя и врачи (7, I. N261; 8, III. N1561, N2444; VIII. N5778, N6017, N6129), следившие за чистотой базарной площади и городских улиц (7, II. N1080), фокусники и музыканты (7, II. N1081; 8, IX. N6276), ночные сторожа, весовщики, таможенники и т. д. (8, II. N1423). По мере укрепления позиций магистрата все отчетливее проявлялась тенденция к концентрации власти в руках ограниченного круга лиц. Если в XIII в. среди власть предержащих происходило еще заметное движение и многократные избрания в магистрат одного и того же претендента не были нормой, то в XIV в. картина заметно меняется. По данным Х. В. Ремера, тех, кто избирался в ростокский магистрат лишь однажды, в 1250-1300 гг. насчитывалось около 50 чел., а в 1350-1400 гг. – только 5 чел. Число же тех, кто становился ратманами 10 и более раз, выросло в означенные годы с 10 до 30 чел. соответственно (13, 5. 20). Известно также, что в 1327-1360 гг. один из богатейших ростокских купцов Йоханн Тельнер 27 раз входил в состав магистрата, из них 16 раз занимал пост бургомистра (8, XIII. N7965, #3, 6, 7; XIV. N8313). В столь явно выраженном процессе узурпации власти немаловажную роль сыграло, по-видимому, действие принципа кооптации при заменах в составе магистрата, что позволяло избавляться от неугодных ратманов и привлекать к управлению городом родственников, свойственников и добрых знакомых. И хотя нормами любекского права запрещалось одновременное вхождение в магистрат близких родственников, уже во второй половине XIII в. это правило постоянно нарушалось (13, 5. 16-17; 14, 5. 44). В течение XIV в. магистраты все отчетливее превращались в органы олигархического управления патрициата – городской купеческой верхушки, представители которой состояли в тесных деловых и родственных взаимосвязях. Весьма показателен в этом отношении пример богатейших ростокских купеческих фамилий Тельнеров и Коппманов. Во второй половине XIV – первой половине XV вв. они не только находились во взаимном родстве до третьего поколения, но были связаны родственными узами еще с 13 патрицианскими семьями, члены которых в разное время заседали в магистрате (5, s. 3-4). Сплачивали их и общие деловые интересы. В 1345-1350 гг. под началом бургомистра

Йоханна Тельнера действовало паевое торговое объединение, куда вошли его сын Йохан со своим зятем Арнольдом Коппманом, а также зять последнего – Эдлер Витте (15, s. 40). Такая практика вела к сосредоточению всей полноты экономической и политической власти в руках узкого круга лиц и, естественно, создавала благоприятные условия для их бесконтрольных и безнаказанных действий. Многочисленные примеры использования власти в целях личного обогащения приводит хронист В. Райнгольд (16). И отнюдь не случайно в ходе социально-политических выступлений, направленных на свержение патрицианско-олигархических режимов и изменение городской конституции, бюргерство, среди прочих, непременно выдвигало требование о введении отчетности магистрата по всем внутри – и внешнеполитическим вопросам и об искоренении практики использования «отцами города» городских привилегий в корыстных целях (17). Подобная ситуация, хотя и была типичной для городов вендской Ганзы (18), не составляла вместе с тем некоего исключительно северонемецкого или ганзейского феномена. Аналогичным образом формировались органы самоуправления во многих немецких, а также шведских городах, где был силен ганзейский элемент (19). Те, кто были причастны к управлению городскими делами, не являлись некой однородной массой. В их среде можно выделить три основные категории:

1. Вспомогательная группа – лица, которые избирались в магистрат лишь на 1-2 срока и затем навсегда исчезали из его состава (8, II. N973, N1076, N1096, N1102, N1125; III. N1992, N2008; IV. N2685);

2. Промежуточная группа – те, кто удостоивался руководящих должностей не постоянно, но с достаточно устойчивой периодичностью. Обычно из этой среды в магистрат попадали по 1-3 представителя от больших семейств (13, s. 28);

3. Правящая элита – узкая, но устойчивая группа лиц, происходивших из наиболее могущественных семейных кланов. Из поколения в поколение они занимали магистратские должности (8, XIII. N7965; XIV. N8313), которые, безусловно, открывали перед ними дополнительные возможности для их коммерческой деятельности.

Но все это были представители патрициата – высшего слоя городского бюргерства. Тесно связанные родством и бизнесом, они принадлежали к высшим торгово-предпринимательским кругам, владели недвижимостью как в пределах города, так и за его стенами. Генеалогические изыскания Г. Тирфельдер позволяют установить, что один из крупнейших ростокских купцов Арнольд Крепелин, который в течение 47 лет состоял членом магистрата, постоянно наращивал свои владения и к концу жизни (он умер в 1343 г.) являлся полным собственником и совладельцем 6 деревень, 12 домов, 11 земельных участков и 8 мельниц в самом Ростоке и в его сельской округе. Кроме того он получал доходы от 24 рент (20, s. 125). Одновременно Арнольд Крепелин был одним из наиболее авторитетных, опытных и влиятельных ганзейских политиков: 58 раз представлял он свой город на ганзейских съездах, неоднократно участвовал в различных переговорах и в подписании важных соглашений, в урегулировании спорных вопросов с территориальными князьями (20, s. 122-124). Многочисленными земельными участками и другой недвижимостью располагали также ростокские патрицианские семейства фон дер Аа, Фрезе, Баумгартнеров и др. (8, VII. N4847; VIII. N5229; IX. N6210; XX. 11380), представители которых в XIII-XV вв. неизменно заседали в городском совете (13;21). В руках любекского патрициата к 1500 году сосредоточилось 126 деревень (22, s. 86). Одним из крупнейших землевладельцев был штральзундский ратман Пауль Мердер. По завещанию 1494 г. он оставил своим наследникам 820 марок ренты, поступавшей из 12 деревень (23). Исключение составляли лишь патрицианские обитатели Висмара. Их землевладение оставалось весьма скромным (14), что, скорее всего, объяснялось существованием крупномасштабного пивоваренного производства, которое развивалось вне цеха, было подчинено купеческому капиталу и в силу этого обеспечивало висмаркскому патрициату стабильно высокие доходы (9, s. 164-175). Обычным было приобретение земельных участков с целью извлечения из них феодальной ренты. В 1319 г. любекский купец-оптовик Йохан Клингенберг за 330 марок приобрел 9 туфов земли и право получать от пяти работающих на этой земле крестьянских семей ренту в

виде 81 шеффеля ржи, 177 шеффелей ячменя, 144 шеффелей овса (24). В XIV-XV вв. многочисленные доходные ренты приносило землевладение известному ростокскому клану Крепелинов (29, s. 125-128). Известны случаи покупки земли с последующей ее сдачей в аренду (25).

Стремление к приобретению земли в таких размерах едва ли можно объяснить простым желанием «возвыситься над своим сословием», выскочить из бюргерского состояния и приблизиться к дворянскому стилю жизни» (26). Вне всякого сомнения, здесь доминировали не престижные, а деловые соображения. К. Фритце убедительно доказал, что владение землей являлось не только средством надежного помещения капитала, но также источником устойчиво высоких доходов (22, s. 93-94). Вместе с тем, заседая рядом с дворянами в княжеском совете и суде, соседствуя с ними в деревне, вступая в постоянные деловые контакты, городские патриции не могли не проникать в дворянское сословие. Процесс аноблирования, типичный для тогдашней Европы, не миновал и городов вендской Ганзы. Известно, что в 1289 г. тральзундский купец-оптовик Лео Фальке, избранный впоследствии бургомистром, женился на дочери рыцаря Антона фон Буха, а другой штральзундский бургомистр Йоханн фон Кюльпен в 1411 г. даже удостоился получения рыцарского пояса (27). В 1373 г. рыцарь Вике Алкуин вступил в брак с дочерью ростокского патриция Ламберта Крепелина (8, XVIII. N10416). Около 1382 г. герцогский оруженосец Арнольд фон Гуммерн взял в жены представительницу одной из наиболее знатных ростокских фамилий Грете фон Готланд (8, XX. N11455), а около 1397 г. дочь ростокского ратмана Энгельберта Катцова вышла замуж за рыцаря Маттиаса фон Акселькова (8, XXIII. N13072). Чаще всего с дворянами рождались те патриции, которые имели свои гербы и принадлежали к городской суперэлите (5, s. 169, 204). Сословное возвышение открывало дополнительные возможности для их экономической и политической деятельности, являлось в итоге важным средством закрепления патрицианско-олигархического правления в самих городах.

Итак, городской патрициат вендской Ганзы имел вполне типичные социальные параметры: принадлежность к высшей имущественной прослойке бюргерства; занятие оптовой торговлей и крупномасштабной предпринимательской деятельностью; владение недвижимостью, в том числе и на таких специфических условиях, как получение феодальной ренты или последующая сдача в аренду. Вполне типичной была и тенденция правящих кругов бюргерства к интеграции в дворянское сословие. Между тем знака равенства между ратом и патрициатом ставить нельзя, ибо далеко не все патриции были облечены властью. Уже в начале XIV в. в ганзейских городах существовала определенная группа лиц, принадлежность которых к патрициату определялась лишь происхождением, а отнюдь не их политической ролью (13, s. 27-29). С другой стороны, нельзя отождествлять патрициат и купечество, ибо лишь некоторая, сравнительно небольшая часть последнего, входила в избранный круг лиц, облеченных верховной властью в городе. Проникновение в эту среду «чужаков» сводилось до минимума благодаря применению таких политико-административных методов как регулярное избрание в магистраты выходцев из одних и тех же семей, кооптирование в органы городского самоуправления целых групп родственников, связанных к тому же общностью деловых интересов, длительное пребывание на должностных постах одних и тех же лиц. Тем не менее случаи вхождения в магистрат лиц, не принадлежавших по рождению к патрицианской среде, все-таки известны, хотя наблюдались чрезвычайно редко. О ростокском купце непатрицианского происхождения Петере Кремере известно, что свою первую сделку он заключил в 1321 г. (8, X. N7293), после чего он развернул активную коммерческую деятельность и сумел стать одним из богатейших городских бюргеров (8, X. N7318, N7332, N7336, N7338). В 1350 г., когда его торговый оборот оценивался весьма значительной суммой в 1625 марок, он впервые был избран ратманом (8, X. N7112). Членам семьи Кремеров удалось посредством браков породниться с патрицианскими родами Витте, Коппманов, фон Готландов, Крузе, Штайнбеков, Хорнов и, благодаря этому, пустить прочные корни как в патрицианской среде, так и в магистрате (8, XIII. N7423; XVI. N9680). Совершенно очевидно, что базой для такого восхождения по социальной лестнице служило материальное благосостояние семьи, заложенное Петером

Кремером. Именно богатство оказывалось наиболее веским аргументом для перехода в высший ранг городской иерархии (28). Оно открывало возможности для заключения браков с представителями патрицианских фамилий и позволяло встать к браздам городского управления. Не исключено, что случаи вхождения в рат ремесленников, хотя это шло вразрез с нормами любекского права, также были следствием заключения брачных союзов. Сохранилось сообщение о том, что в 1291 г. ростокский ратман Герман Лисе взял в жены дочь ювелира (8, III. N1560), т. е. браки между выходцами из этих двух сословий случались. Может быть, именно в результате женитьбы на девушке из патрицианской семьи в 1286/87 гг. в ростокский рат попал ремесленник Йоханн Кемпе, а в висмарский – дубильщик Хинрик Мурен, о котором известно, что в 1323г. он умер, занимая пост бургомистра (8, XIX. N11162). Сведения такого рода относятся ко времени не позднее первой половины XIV в., но и тогда подобная практика, идущая вразрез с нормами любекского права, разумеется, могла быть лишь исключением, но никак не правилом. Другое дело, что всевластие и бессменное правление ограниченного круга лиц создавали благоприятную почву для всевозможных злоупотреблений и недовольство политикой патрицианских ратов неоднократно выливалось в вендских городах в цеховые восстания. Уступая их силе, магистраты были вынуждены удовлетворять главные требования повстанцев и допускать ремесленников в органы городской власти. Однако эти меры носили временный характер и патрициату при мощной поддержке Ганзы довольно скоро удавалось реставрировать старые порядки. Итак, благодаря успехам коммунального движения, в XIII в. города вендской Ганзы добились самоуправления. Территориальные князья сохранили за собой лишь право осуществлять высшую юрисдикцию и взимать поземельный налог. Вся полнота экономической и политической власти сосредоточилась в руках выборных магистратов. По нормам любекского права в них допускалось только купечество и поэтому они довольно скоро превратились в органы олигархического правления патрицианской верхушки, тесно связанной родством и общими деловыми интересами. Пожизненно-наследственное пребывание у власти представителей одних и тех же семейных кланов позволяло им действовать достаточно бесконтрольно и безнаказанно и проводить городскую политику с учетом собственных интересов.

Литература

1. Monumenta Germaniae Historia // Die Deutsche Geschichtsquellen des Mittelalters. 500-1500. – Hanover, 1896. – Bd. 2. – N304. – s. 418.
2. Czok K. Charakter und Entwicklung des feudalen deutschen Territorialstaates // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 1973. – N8. – s. 929-949; Mitteis H. Der Staat des hohen Mittelalters. – Weimar, 1962. – s. 358.
3. Hermann M. Das Staatliche Werden Mecklenburgs. ß Köln-Graz, 1962.
4. Blaschke K. Kanzleiwesen und Territorialstaatsbildung im wettinischen Herrschaftsbereich bis 1485 // Archiv für Diplomatik. - 1984. - Bd. 30. - s. 282-302.
5. Lisch G. über das rostocker Patriziat. - Jahrbuch für mecklenburgische Geschichte. - 1846. -
NII
6. Belov G.V. Territorium und Stadt. - München-Leipzig, 1900. - s. 286.
7. Urkundenbuch der Stadt Lübeck. - Leipzig, 1843.
8. Mecklenburgisches Urkundenbuch. - Schwerin, 1863.
9. Burgersprachen der Stadt Wismar. - Wismar, 1840.
10. Detmar-Chronikk // Die Chroniken der deutschen Städte. - Bd3. - Leipzig, 1907. -
N1216, N1269; Более подробно см. : Фортинский Ф. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370г. - Киев, 1877. - С. 110-116.
11. Das älteste Wismaarsche Stadtbuch. - Wismar, 1823. - s. XVII.
12. Pommersche und Rugensche Geschichtsdenkmaler. - Greifswald, 1834. - N 1353.
13. Romer H.U. Das Rostocker Patriziat bis 1400 // MJbb. - 1935. - N96.
14. Techen F. Geschichte der Scestadt Wismar. - Wismar, 1929.

15. Johann Tolners Handlungsbuch// Geschichtsquellen der Stadt Rostock.-Bd. I.-Rostock, 1885.
16. Reinhold W. Chronik der Stadt Rostock.- Rostock,1911.-s. 33,72.
17. Van der Rostocker Veide. Rostocker Chronik von 1487 bis 1491//Programm der grossen Stadtschule zu Rostock.- Rostock, 1880.-s. 2.
18. Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse.- Berlin,1985.-s.77.
19. Солодкова Л. И. Ранний Кельн: социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан в XI-XIII вв.- Саратов.- С. 115-122; Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV-XV вв. – М.-Л., 1936.-с. 283-284; Сванидзе А.А. Механизм патрицианской олигархии в средневековом шведском городе// Средние века, 1991. – Вып. 54.- С772-95; Вып. 55.- С. 50-72.
20. Thierfelder H. Die rostocker Kaufmannsfamilie Kropelin// Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock.- 1957/58.- N1.
21. Koppmann K. Geschichte der Rostock.- Rostock, 1887.-s.27.
22. Fritze K. Bürger und Bauer zur Hansezeit.- Weimar, 1976.
23. Putbusser Regesten// Veröffentlichungen der Landeskundlichen Forschungsstelle der Provinz Pommern. Abt. Geschichte .- Bd. VII.- Stettin, 1940,-N 918.
24. Das älteste erhaltene deutsche Kaufmannsbuchlein//Hansische Geschichtsblätter.-1925.- N50.-s. 51-52.
25. Der Stralsunder liber memoriales.- Schwerin, 1964.-s.97.-N 531.
26. Kollath K. Bürgerlich Landbesitz der Stadt Rostock im 13. Und 14. Jht. –Rostock, 1939.- s. 51; Hefenbrock m. Lubecker Kapitalsanlagen in Mecklenburg bis .-1400.- Kiel, 1927.-s. 100.
27. Pommersches Urkundenbuch. 3. N150, N1959; 5. N 4848.
28. Примеры, свидетельствующие об этом и относящиеся уже к началу XVI в., приводит Й. Шильдхауер: Schildhauer J. Soziale , politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Wismar im ersten Drittel des 16. Jhs.-Weimar, 1959.- Tab. II.- N14, N15.